

Ма Цици была сильно напугана. Она и без того была тихой девочкой, а после пережитого не могла связать и двух слов. Спустившись ужинать, она буквально прилепилась к Гэ Цин.

Длинное платье до пола, из-под подола — несколько изящных пальцев ног. Высокий ворот скрывал багровый след удушения на шее.

Гэ Цин не отходила от неё ни на шаг и попросила Мао Сяоли:

— Сегодня я буду спать с Цици, ладно?

Мао Сяоли кивнула:

— Хорошо.

Ночью полоска лунного света проскользнула сквозь щель между шторами в спальню. На большой кровати спали две девушки. Шторы вдруг зашевелились сами по себе — ни ветерка, а они покачивались, жутко и мерно.

Гэ Цин резко открыла глаза и посмотрела на окно. Увидела, что шторы колыхнутся. Сначала подумала — сквозняк, но тут же окаменела. Она точно помнила: перед сном заперла все окна и двери. Почему же шторы двигаются?

Или — что-то открыло окно?

Гэ Цин сглотнула. Не шевелилась. Пристально смотрела на колышущуюся ткань — и увидела там силуэт. Чёрный, лицом к ней, уставившийся на неё.

Она моргнула, снимая резь от долгого взгляда. Пошевелилась, резко откинула одеяло и щёлкнула ночником. Свет залил комнату, шторы мгновенно замерли, тень исчезла.

Гэ Цин не расслабилась. Взяла телефон, глянула время, повернулась — разбудить Ма Цици и вместе перебраться к Мао Сяоли.

Но стоило ей шевельнуться — всё тело одеревенело.

Что-то коснулось её шеи. Грубое, шершавое.

Она медленно опустила взгляд на телефон. В чёрном экране отражались её шея и то, что было за спиной.

На шее — пеньковая верёвка, стягивающаяся, словно живая.

За спиной, прижавшись к ней, — Ма Цици.

Глаза Ма Цици закатились: одни белки. Рот разинут до невозможного, до перекошенной гримасы. Красный язык свисал до самой шеи. А багровый след удушения на горле врезался так глубоко, что, казалось, ещё чуть-чуть — и шейные позвонки переломятся.

Гэ Цин увидела всё это одним взглядом, похолодела от ужаса — и накрыла экран телефона, притворяясь, что ничего не заметила.

— Цици, давай пойдём спать к Мао Сяоли?

— Я её не знаю. Не хочу с ней спать.

Гэ Цин глубоко вдохнула — и разом швырнула телефон Ма Цици в лицо, обеими руками ухватила за верёвку на шее, пригнулась, вывернулась из петли и бросилась к двери с воплем:

— Помогите!!

Промчавшись вперёд, она врезалась во что-то. Отлетела назад, подняла голову — перед ней были ноги. Ма Цици висела в воздухе, перекошенное ужасом лицо уставилось прямо на неё.

Пеньковая верёвка появилась перед Гэ Цин. Та уже было начала сопротивляться, но вдруг замерла. Верёвка обладала неодолимой притягательной силой. Помутившимся взглядом Гэ Цин медленно продела голову в петлю.

Петля резко затянулась. Гэ Цин очнулась и забилась, но в этот момент дверь спальни вынесли ударом ноги, и внутрь ворвались две фигуры.

Чэнь Ян сорвал с запястья красный шнурок и хлестнул по висящей в воздухе Ма Цици.

С пронзительным визгом из тела Ма Цици вылетела красная тень. Мертвенно-бледное лицо, перекошенная гримаса, язык до груди, сломанная шея. Всё тело окутано алым свечением — несомненно, повешенница, уже пролившая человеческую кровь. Свирепый дух.

Чэнь Ян подхватил Ма Цици, уложил на кровать, а затем снял пеньковую петлю с шеи Гэ Цин. С повешенницей разобрался Коу Сюаньлин.

— ...жуй чэнь со шан, цзо чэнь таофа, лиши сяоме, жу сюаньду гуйлюй, цзицзи жу люйлин!

Левой рукой Коу Сюаньлин сложил мудру, правой — поднял шестигранный бронзовый кубик, формой напоминающий игральную кость. И втянул повешенницу внутрь.

Чэнь Ян передал Ма Цици Гэ Цин. Та первым делом потянулась проверить, дышит ли подруга.

— Не волнуйся. Просто одержимость.

Гэ Цин выдохнула — и тут же снова подавилась воздухом:

— Я видела чёрную тень у шторы — это она вселилась в Цици?

— Нет. Одержимость произошла ещё днём.

— Что?!

— Молчаливость, прячется ото всех, ходит на цыпочках — классические признаки одержимости.

Гэ Цин потёрла руки:

— Не может быть. Я думала, Цици просто испугана...

При мысли, что она провела почти целый день с одержимой Ма Цици и несколько часов проспала с ней в одной постели, — задним числом накрыл леденящий ужас.

— Почему вы мне не сказали?!

— Ма Цици была одержима повешенницей. Обида, инь-энергия — очень тяжёлые, к тому же девушка сильно напугана, её души нестабильны. Нужно было дожидаться момента, когда дух потеряет бдительность, и одним ударом выбить его, не задев при этом души самой Ма Цици.

Тело Ма Цици было ослаблено, а красный шнурок Чэнь Яна и так бил напрямую по душам. Одна неосторожность — выбьешь одну из душ Ма Цици, и последствия будут серьёзными.

— У Цици будут какие-нибудь последствия?

— Нет. Когда всё закончится — сходите к врачу, подлечится, будет побольше гулять на солнце.

Гэ Цин поблагодарила и занялась Ма Цици.

Чэнь Ян с любопытством рассматривал кубик в руке Коу Сюаньлина — бронзовый, с выгравированными на шести гранях текстами.

— Что на нём написано?

— «Нюйцин гуйлюй».

«Нюйцин гуйлюй», или «Законы Нюйцин о призраках», — каноническое правило школы Чжэнъи, содержащее имена и характеристики всех призраков. Его создал Тайшан Лаоцзюнь — Верховный владыка Лао — и вручил Небесному наставнику Чжану для подчинения призраков. Лаоцзюнь не мог равнодушно смотреть на бесчинства нечисти в мире живых и потому даровал Чжан Тяньши этот свод законов.

— Почему призраков ловят в кубик? — Чэнь Ян помнил, что раньше заклинатели использовали для этого кувшины для вина. Когда успела войти в моду «кость»?

— Удобно. — Коу Сюаньлин подбрасывал кубик и ловил. — Старые кувшины громоздкие, тяжёлые и хрупкие. Хоть дух изнутри их и не разобьёт, но стоит случайно уронить или камень попадёт — кувшин вдребезги, и с таким трудом пойманная нечисть на свободе. К тому же таскать их с собой невозможно.

Чэнь Ян согласно кивнул. Кувшины для ловли призраков действительно неудобны, хотя раньше их использовали для перевоспитания свирепых духов. Если перевоспитать не удавалось — дух переплавляли в отличный материал для ловли других призраков.

— Теперь заклинателям не нужно самим перевоспитывать, — махнул рукой Коу Сюаньлин. — Управа Дафу сотрудничает с миром живых: поймал нечисть — вызвал посланника Подземного мира, и тот забирает.

— Эффективно, — восхитился Чэнь Ян.

Воистину — взаимовыгодное партнёрство. Даже Подземный мир не исключение.

В этот момент к дверям подбежала Мао Сяоли — взволнованная, шумная, но на пороге резко осеклась. Наступила долгая пауза, прежде чем до Чэнь Яна донёсся её голос, тонкий, как писк комара:

— Здравствуйте, начальник Ду.

Чэнь Ян не удержался от улыбки и вышел из спальни.

Коу Сюаньлин удивился:

— Начальник всё время был снаружи?

— Да. Он пошёл со мной. Я сказал, что справлюсь сам, — и он не стал вмешиваться.

На самом деле у Ду Шо и не было намерения вмешиваться. Но всё-таки он был начальником штаб-квартиры. Ничего не делать и при этом получать духовные заслуги — это, мягко говоря, неловко перед коллегами. Поэтому Чэнь Ян выгородил его, взяв ответственность на себя.

Но Коу Сюаньлин вдруг бросил на Чэнь Яна удивлённый взгляд, отчего тот занервничал — не раскусил ли ложь?

Неужели репутация Ду Шо как бездельника и тунеядца уже стала достоянием общественности?

Чэнь Ян не знал, что когда Ду Шо принял этот заказ, в штаб-квартире все повскакивали с мест. Решили — случилось нечто грандиозное, угрожающее драконьим жилам страны. Коу Сюаньлин тоже так думал и, получив назначение, явился с горящим взглядом и великими амбициями.

Пока не выяснил, что дело хоть и сложное, но не дотягивает даже до двух звёзд.

Потому, с его точки зрения, Ду Шо и не должен был вмешиваться.

Чэнь Ян промолчал, решив, что за закрытой дверью проведёт с Ду Шо воспитательную беседу. Хотя бы старайся! Не так откровенно отлынивай!

У двери он обернулся к Мао Сяоли:

— Сяоли, оставайся на ночь здесь, с Гэ Цин и Ма Цици.

— Есть! — Мао Сяоли вихрем влетела в спальню. Она только что не могла найти предлог, чтобы держаться подальше от Ду Шо.

Ду Шо окинул Чэнь Яна взглядом — убедился, что тот не ранен, — и обратился к Коу Сюаньлину:

— Завтра утром мы с Чэнь Яном едем в дом с призраками. Фан Вэньвэнь — на тебе.

— Хорошо.

Коу Сюаньлин кивнул — и тут увидел идущих на шум Фэн Юаня и Вэй Чанпина. Словно что-то вспомнив, он метнулся к себе в комнату.

Лица обоих парней вытянулись.

Чэнь Ян:

— Что с вами?.. Опять бессонница?

Тёмные круги под глазами, измождённый вид, неуверенная походка. Явный недосып.

Фэн Юань вздохнул со сложным выражением:

— Мастер Чэнь, вы не понимаете. Заклинатель Коу... слишком набожен.

Чэнь Ян кивнул. Ду Шо рассказывал, что Коу Сюаньлин трижды в день кланяется портрету патриарха.

Вэй Чанпин с мукой на лице:

— Открываешь глаза среди ночи — а он стоит, курит благовония и молится портрету.

Фэн Юань:

— Омовение, воскурение, чтение сутр, сожжение подношений. С трёх до пяти утра. Потом встаёт и тренируется с мечом.

Они страдали невыносимо. Оба — ночные совы. Не повозишь пальцем по экрану под одеялом до двух-трёх ночи — не уснёшь. А стоит закрыть глаза — Коу Сюаньлин уже на ногах, бубнит сутры.

Сил нет.

Чэнь Ян с искренним уважением:

— Заклинатель Коу усерден в практике. Неудивительно, что в таком молодом возрасте уже получил реестр Пяти Громов.

Фэн Юань и Вэй Чанпин сломались окончательно.

— Вы можете ложиться раньше.

Ду Шо вдруг обнял Чэнь Яна за плечи:

— Пора спать.

— Я пошёл, — послушно сказал Чэнь Ян. — Вы можете не жить с заклинателем Коу. Если встретите призрака — просто кричите.

И Ду Шо увёл его.

Фэн Юань и Вэй Чанпин переглянулись:

— Мастер Ду и мастер Чэнь — прямо не разлей вода.

— Ну, переспали — вот и сблизились, — рассеянно бросил Вэй Чанпин. — Как думаешь, может, попросим Гэ Цин пустить нас на пол в её комнате?

Фэн Юань помолчал — и пошёл стучать.

Они пришли слишком поздно и не знали, что произошло. Узнав, оба синхронно содрогнулись.

Гэ Цин спросила:

— Вам ещё что-то нужно?

Фэн Юань замотал головой:

— Нет. Ничего.

Гэ Цин захлопнула дверь.

Фэн Юань:

— Если подумать... с портретом патриарха рядом как-то спокойнее.

— Вернёмся?

— Угу.

<http://bllate.org/book/17971/1726349>